

Соколов Саша Palissandr - c'est Moi

Саша Соколов

Palissandr - c'est Moi?[x]

Посвящается ОМ, АБ, ДД, АЖ, АЦ

Создатель изысканных прозаических партитур Набоков не понимал назначения музыки. Сартр поплыл по течению экзистенса и потерял его смысл. Недостойный их современник, я утратил вкус лишь к сюжету. А любит Б, Б - В, В - Г. Какая докука. Если любое сравнение клавдикант, то всякий сюжет инвалид высшей марки, член привилегированной гильдии калик переходящих, коего благодетельная вдова залучает под вечер дабы умыть безногому ноги его. Самовар поспекает - смеркается - лается на луну. И не успела еще догореть лучина, а уж лукавые жмурки не отличить нам от пламенных ласк. Жанр федотовской кисти. Пост мортем. Сюжет навязан художнику сочинителем С, в чьей неразборчивой памяти оживает уж случай в булочной. Чу: ничем не бравируя и ничуть не рисуясь, туда является некто и спрашивает, а нет ли изюму. Ставя русскую истину - как бы та ни была горька - выше приторного притворства японского этикета ему отвечают прямо: Вот, нету. Однако пришедший не успокаивается на достигнутом. А батоны с изюмом? - молвил он с едва уловимым поклоном. И возражали: Вот, есть. И тогда говорит им спокойно и просто: Наковыряйте-ка с фунт. И отныне - в святцах от городского фольклора. Да чем же так дорог нам образ данного покупателя? Какие качества привлекают нас в этом герое? Пытливость? Находчивость? Неуспокоенность? Несомненно. Но в первую голову - дерзновенность. Она завораживает. Она заразительна. И когда я слышу упреки в пренебрежении сюжетом, мне хочется взять каравай словесности, изъять из него весь сюжетный изюм и швырнуть в подаянье окрестной сластолюбивой черни. А хлеб насущный всеизначального самоценного слова отдать нищим духом, гонимым и прочим избранным. Говоришь ли об отделении изящного от государства - политики - средств информации средств производства и производства средств? - встрепетает имеющий уши. Ты - говоришь. Я - кричу. Ибо чем, кроме крика, рассеять нам тут окрестную мглу. Но жизнь продолжается, и ни дня не обходится без сюжета. Смотрите, смотрите, Г любит Д! Вы шутите. Истинный крест. А Д? А Д обагает Е. А вон там, левее, в затхлом углу, Е - ?. А меж тем профессор Южнокалифорнийского университета Ж ежезимне наезжает кататься на лыжах в Вермонт к сочинителю С. Целыми днями сидя на застекленной террасе виллы с видами на глазированные хребты, приятели попивают глинтвейн и красиво грассируют про российскую литературу. И если в районе обеда оба еще довольно тверды в убеждении, что - одна, то уже ближе к ужину отчетливо различают: две. И если на завтрак чего-то и хочется, так лишь полицейского чаю. Но если поэт делит всю ее на написанную с позволения и - без, публицист Юрий Мальцев - на вольную и невольную, летописец Владимир Козловский - на подцензурную и нецензурную, переводчик Барбара Хельдт - на мужскую и женскую, пятый муж моей бабушки пушкинист Дмитрий Дарский - на пушкинскую и всю остальную, если франко-английский писатель и фортепьянист Валерий Афанасьев советуют вычленять из нее - окромя деревенской - особые прозы рабочих окраин казачьих станиц, кишлаков городского типа, этсетера, то сочинитель С и профессор Южнокалифорнийского университета Ж - о Боже, как хорошо, как уютно им там, у камина, в этих лекалообразных качалках и коконах козых шотландских плэдов - они сквозь магические кристаллы своих хрусталей различают словесность, сработанную на скорую руку и созданную не спеша. Последняя вызывает у собеседников чувство неизъяснимой приязни. Друзья полагают себя апологетами медленного письма, и взгляды их на природу его совпадают. Беседуя конспективно, прекрасное просто обязано быть величаво. Хотя бы условно. И пусть величавое не обязано быть прекрасным, оно им невольно является. Исключения вроде гигантских мусорных куч или чудовищных каракатиц и редки, и спорны. Но как бы там ни было, величавое кажется столь же очаровательней суетливого, сколь равелевское Болеро возвышеннее

хачатуряновского Танца с саблями. Впрочем, как День Творения не имеет ничего общего с днем календарным, так и художественная медлительность, например, Леонардо, не есть медлительность идиота или сомнамбулы. Это неторопливость другого порядка. Текст, составленный не спеша, густ и плотен. Он подобен тяжелой летеиской воде. Ах, Лета, Лета, писал один мой до боли знакомый, как пленительна ты своею медовой медлительностью, как прелестна. Текст летеиской воды излучает невидимую, но легко осязаемую энергию. Теоретики медленного письма обозначили эту энергию термином архаическим и заумным, как шахматная игра, из лексики коей он и заимствован: качество. Но, помимо сей голой абстракции, неторопливый стилист обретает и нечто существенное. Блаженны медлительные, говорит мой до боли знакомый, ибо они созерцают тень Вечности. Медлители - это гурманы, эпикурейцы искусства, так как только они вкушают истинное наслаждение и пользу от творческого процесса с его облагораживающими терзаниями. Не напрасно погрязший в страстях Достоевский мечтал сочинять не спеша, как Тургенев: хотелось очиститься. Федор Михайлович думал, войди его быт в наезженную колею, не преследуй его кредиторы, не мучь падучка да совесть, он записал бы в свое удовольствие с чувством, с толком. Он заблуждался. Способность к медленному письму не зависит от бытовых обстоятельств. Это - от Бога. И если вам не дано, научиться писать не спеша столь же немисливо, сколь научиться летать не отравив прежде крыльев. Сочинителю С - дано. Гений медлительности выказал он еще в чреве матери. Как бы предвидя все неурядицы, весь неуют земного существования и словно догадываясь, что всяческая суета - от лукавого, он родился десятилетним. Выйдя вон, младенец предстал и огромен, и величав. Рекорды родильных учреждений канадской столицы пали. И, вся заполненная сюжетами, потекла перед его изумленным взором - жизнь: ? - К - Л - М Н. Через несколько лет по явлению С вынужденно покинул родину, а через тридцать три года вернулся к ее пределам. Той осенью в славном граде Детройте, в консульстве, осененном кленовым листом, ему надлежало дать клятву на верность Ее Великобританскому Величеству Елизавете. Утром в день церемонии сочинителю С позвонил консул О. Мы никогда не встречались, сказал он взволнованно, но я о вас чрезвычайно наслышан. Дело в том, что мой батюшка принимал роды у вашей мамы. Ваш случай был самым крупным успехом во всей его практике. Между прочим, не доводилось ли вам бывать в оттавском музее патологической эмбриологии? Не премините, отец был его основатель и попечитель. Чудесная экспозиция. Специалисты считают ее лучшей в целом Онтарио. Там собраны разного рода зародыши. Папа вложил в это дело всю душу. Но я никогда не забуду, с какой неподдельной грустью он говорил, что без колебания променял бы все эмбрионы в мире на один только ваш. О, нет-нет, не подумайте! Как гинеколог и гуманист, он абсолютно искренно радовался, что все обошлось. Однако в нем жил еще неумный исследователь, страстный коллекционер, отчаянный экспериментатор. Иными словами, вы не можете отнять у человека мечту, не так ли? С не ответил. О продолжал: Все эти годы мы, О, думали о вас постоянно. Вы стали нашей семейной легендой, реликвией, и мы аккуратнейшим образом отмечали ваш день рождения. Кстати, вы обратили внимание: вас угораздило на две даты, и революция, и кончина Толстого. А как вам нравится это созвучье - Оттава, Остапово. Мистика. В общем мне страшно не терпится вас увидеть, скорей приезжайте, дружище, сказал консул О. С отправился. Но стремясь сохранить душевное равновесие, мы описание мрачноватых детройтских предместий заменим здесь небольшим элегическим отступлением. В знак будущей ностальгии по нашим вермонтским беседам на застекленной веранде с видами на глазированные хребты я, сочинитель С, посвящаю вышеизложенное рассуждение о литературе летеиской воды собеседнику моему профессору Ж. И вот я у цели. По мере того, как, предшествуемый глашатаем, входил я в предписанный кабинет, лицо джентльмена, медленно поднимавшегося мне навстречу из своего глубокого, словно счастливый обморок, дипломатического шезлонга, - заметно менялось. Это лицо опадало. Так опадают небрежно подвязанные чулки, занавески, жалюзи. Так опадает опара. Анамнез: сын доктора О ожидал увидеть героя семейных мифов, существо величиной с Вайнемейнена, с Гайавату, а тут вошел человек не

крупнее С. Диагноз: консула О постигло хроническое разочарование, сопровождавшееся острым опущением лица. Точно такое же разочарование испытывает читатель, когда знакомится с автором какого-нибудь героического произведения, а тот на поверку - оказывается ничуть не героем. А автор сентиментального произведения оказывается прожженным циником, хулиганом. А создатель блестящего детектива - откровенно скушным. А воспевший маленького человека Чехов, наоборот, велик: семь футов. А Галич, написавший несколько песен в лагерном жанре, в заключении не был. И когда это выяснилось, стали думать, что и Алешковский никогда не сидел, и снова ошиблись. Итак, та неотъемлемая наша часть, которую мы называем читатель, упорно но не хочет усматривать разницы между героями и сочинителями и отличать художественный умысел от фактографии. Когда в Москве появился мой первый роман, одна из ближайших родственниц автора принялась убеждать знакомых, что я все это придумал и что в действительности все было совсем не так, потому что на самом деле мы никогда и не думали продавать дачу, и я никогда не ездил в город заниматься музыкой, а главное - разве она могла бы хоть раз изменить супругу с каким-то там педагогом. Воображаю, какие хлопоты предстоят ей в связи с Палисандрией. Что вы, что вы, будет она говорить соседкам, он же никогда не интересовался старухами, он гулял исключительно с девушками - Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ. Как же, как же, так они ей и поверили, эти наши, соседки, особенно пожилые. Кикиморы чертовы. А я - что я сам могу предпринять, чтобы спасти свое доброе имя? Дыша духами Ночная фиалка, Быть может, пачулиями доброй волшебницы Лауры Эшли, юная Палисандрия впервые отправляется в свет. И откуда наш просвещенный читатель еще не коснулся ее руками своими и не сделал далекоидущие выводы, я должен взять превентивные меры. Флобер вольно же ему откровенничать: *Madam Bovary c'est moi*. Ведь если подумать, не такая она и падшая, эта Эмма. Даже для своего жеманного времени. Как справедливо заметила бы в ее отношении светлейшая княжна Черногории Мажорет Модерати, в девичестве - Навзнич: Ах-ах, двое любовников, целых двое. И дико расхохоталась бы гордой Эмме в лицо. А затем исхлестав ее всю жокейским своим хлыстом, позвала бы с улицы каких-нибудь отвратительных, покрытых хрестоматийными струпами нищих бродяг и приказала бы им взять несчастную. И наблюдая за этим целительным наказанием, приговаривала бы шепеляво: Не смей, не смей обманывать мужа. Ибо она шепелявила. Иными словами, сегодня, когда горизонты приличия раздвинуты много шире, чем прежде, двое любовников или любовниц это не то чтобы мало: это мало до неприличия. Но с другой стороны, к достижениям вроде лопедевеговских современное общество тоже еще не готово. А Палисандр, как известно, перещеголял испанского драматурга уже в пору своей монастырской юности. А уж что было потом - о том и говорить не приходится, сплошной моветон и шокинг. И поэтому я, сочинитель С, перед лицом своих критиков должен голосом вопиющего прокричать слова страшной клятвы: *Palissandr c'est ne moi pas*. Ибо похож ли я на племянника Берии, внука Распутина или хотя бы на гермафродита? И полагаю ли я, будто вся предшествующая мне словесность есть лишь робкая проба пера. И служил ли я ключником в Доме Массаж Правительства, работал ли в труппе странствующих проституток, соблазнял ли кладбищенских вдов, вешал ли кошек. *Jamais*. Правда, я ловил и душил цыплят, да ведь кто же их не душил в те поры. Милое босоное детство, куда ускакало ты на своих зеленых кузнечиках. Впрочем, чтобы не быть голословным, приведу два-три доказательства. Было так: цепь счастливых случайностей и времен распалась, и гиря ходиков упала Палисандру на нос. Тогда хирурги вживили ему туда платиновую пластинку. И когда наступал приступ тик-така, Палис начинал часто-часто пощелкивать себя по носу, и звук тех пощелкиваний был до странности звонок. А у меня? Ничего подобного. Хотя и тут вы можете только поверить мне на слово, потому что пощелкать и даже просто пощупать я вам, разумеется, не позволю. Есть правда, нечто, что мы могли бы не только пощупать но и измерить. Только для этого надо поехать в Эмск, на Новодевичье кладбище и посетить там ряд заброшенных склепов. П говорит, что постаменты в тех склепах были раздражительно высоки. А ведь даже и мне, который так разочаровал консула О своим обычным размером,

они были, что называется, в самый раз. И то же можно сказать по поводу подоконников в эмских подъездах: вполне комфортабельны. Из чего следует, что Палисандр не только не величавый гигант, каким он себя нам рисует, а едва ли не лилипут. И значит, П не равно С. И все же на усредненном лице моего воображаемого читателя я вижу выражение недоверия. Вижу и сознаю, что достаточно вескими аргументами не располагаю. Да и кто я в конце концов такой, чтобы рассчитывать на приятное исключение. Обретаясь в таком бессилии, я взываю к доброжелательным критикам, прося их побыть моими свидетелями и адвокатами и объяснить читательскому суду, что писатели обладают способностью абстрагироваться от конкретного Я. Я - Ю, Ю - Э, Э - Щ. О амурная карусель алфавита! Даже и обращенная вспять, ты прекрасна. Крутись. Заранее благодарный доброжелательным критикам, я посвящаю им все части речи, со всеми их интертекстами. Все, за исключением той, которую посвятил уже Ж. А один из своих любимых стихов пера моего до боли знакомого дарю всем присутствующим.

Что в имени мне есть моем?

Что имя? Просто звук?

Кимвал бряцающий иль некий символ смутный?

Мне имя - Палисандр. С ним свыкся я давно.

И всюду я ношу его с собою.

Браню подчас, но более хвалю:

Любезно мне сие буквотворенье.

Я - Палисандр, и с именем таким

Я чувствую себя благоприятно.

Мы двуедины и созвучны с ним.

Но дерево ли я? Наверяд ли.

Так персонаж, по глупости своих

Родителей что Львом зачем-то назван,

Отнюдь не лев. И Петр - не камень ведь.

И масса суть таких несоответствий.

И все-таки в те дни, когда один

В безветрии стоишь ты в поле хлебном

И, руки уронив, глядишь окрест,

Случаются события, что колеблют

Твою уверенность. То бурундук

Тобою скачет вдруг до ночи.

То ворон вьется вкруг

Очи ли выклевать,

Гнездо ли свить все хочет.

И мыслишь озадаченно: Кто знает,

А может, ты - и дерево: бывает.

[х] Слово, сказанное Сашей Соколовым в Южнокалифорнийском университете на симпозиуме, посвященном творчеству Иосифа Бродского и Саши Соколова.